

© 1999 г. А.В. ГЛАДКИЙ

НАБРОСОК ФОРМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПАДЕЖА

Цель настоящей работы состоит в построении формального определения падежа существительного, которое позволило бы лучше понять логическую структуру интуитивных представлений, лежащих в основе традиционного понятия падежа – точнее, того идущего от греческой традиции понятия падежа, с которым мы впервые знакомимся, изучая русскую грамматику в начальной школе, а потом встречаемся "в другой одежде", если нам доведется изучать, например, латинский или один из балтийских языков. Первая попытка построения такого определения была предпринята автором около 30 лет назад [Гладкий 1969; 1973]. Предложенный тогда вариант определения автор рассматривал как предварительный [Гладкий 1973: 40] и с тех пор не раз возвращался к обдумыванию этого вопроса, но только сейчас решается опубликовать новый вариант, который, как ему представляется, лучше согласуется с традиционной идеей падежа.

1. Предварительные соображения. Среди всех традиционных грамматических категорий падеж обладает, по-видимому, наиболее сложной логической структурой. Природа категории падежа была предметом споров уже в древности [Античные теории 1966: 75–76], и эти споры не прекращаются до настоящего времени¹.

Попытаемся, однако, встать на "наивную" точку зрения – точку зрения человека, изучавшего падежи в школе, но не знакомого с лингвистическими теориями – и с этой точки зрения попробовать ответить применительно к современному русскому языку даже не на вопрос "Что такое падеж (существительного)?", а на более простой вопрос "Что такое существительное в дательном падеже?" (в предположении, что мы всегда можем отличить существительное от не-существительного). "Школьное" определение – "существительное, отвечающее на вопрос *кому?* или *чему?*" – придется сразу забраковать как содержащее порочный круг: ведь *кому* и *чему* – формы дательного падежа вопросительных местоимений *кто* и *что*, но эти местоимения в синтаксическом аспекте представляют собой существительные, и определение их падежа должно содержаться в определении падежа существительного, а не предшествовать ему². Можно, конечно, просто сослаться на таблицы склонения и сказать: существительное в дательном падеже – это такая словоформа, которая для таких-то основ оканчивается на -у, для таких-то на -е и т.д. На такой способ чрезвычайно "непоучителен": он ни на шаг не приближает нас к пониманию природы категории падежа. А сверх того мы наталкиваемся здесь на серьезное затруднение: ведь, например, *стене* может быть формой либо дательного падежа, либо предложного. Определить падеж

¹ Обзор различных теорий падежа, предлагавшихся в древности, в Средние века и в Новое время, посвящены разделы А, В, С первой части книги [Hjelmslev 1935] и книга [Serbat 1980].

² Несостоятельность такого способа определения падежа как в научном, так и в методическом аспекте убедительно доказана А.М. Пешковским [Пешковский 1919]. Кроме указанного порочного круга, он отметил ряд других несообразностей – в частности, то обстоятельство, что "значения падежных форм ... допускают, а иногда и **требуют** других вопросительных слов в речи. Нельзя спросить *Он был в чем?* и ответить – *в деревне*, *Из чего он вышел?* – *Из дому*, *Кого ручку он взял?* – *сестры* и т.д."

слова, взятого изолированно, вне текста, в общем случае невозможно. И даже с "наивной" точки зрения мы неизбежно приходим к выводу, что падеж существительного зависит от его роли в предложении.

Однако совокупность таких ролей, отвечающих, скажем, тому же русскому дательному падежу, трудно четко выделить и систематизировать – трудно не только "наивному" носителю языка, но и искушенному лингвисту. И возникает впечатление, что категория падежа – не что-то "внутреннее присущее" языку (как, например, категория числа), а скорее какая-то "сетка", брошенная на него грамматикой – нечто вроде системы координат.

Это впечатление еще усилится, если мы проделаем мысленный эксперимент: вообразим, что в русском языке исчезли все одушевленные существительные и все существительные 1-го склонения. Лингвист, знакомый только с таким состоянием языка, несомненно, выделил бы в нем не шесть падежей, а только пять, не различая именительный и винительный. Аналогично, если бы в латинском языке остались только существительные 2-го склонения, совпали бы *Dativus* и *Ablativus*, а если бы остались только существительные среднего рода – *Nominativus* и *Accusativus*.

Такую "сетку" можно наложить на язык, конечно, лишь в том случае, когда синтаксическая и/или семантическая роль существительного в предложении так или иначе влияет на его форму. Но есть еще одно условие, при невыполнении которого "падежная сетка" оказывается тривиальной и, в сущности, ненужной: в рассматриваемом языке должно быть некоторое число достаточно представительных классов существительных, различающихся между собой способами оформления одних и тех же синтаксических и/или семантических ролей. (Мы назовем их условно "ролевыми классами.") При этом способы распределения ролей между формами в разных классах могут быть разными. Например, в русском языке единственное число лексемы *отец* имеет пять форм, а единственное число лексемы *мать* – только три, причем форма *мать* выполняет все роли, выполняемые формой *отец*, и часть ролей, выполняемых формой *отца*, а форма *матери* – остальную часть ролей, выполняемых формой *отца*, и все роли, выполняемые формами *отцу* и *отце*.

Примером языка, удовлетворяющего первому условию и не удовлетворяющего второму, может служить венгерский. В нем имеется много форм существительных, каждая из которых отвечает некоторому набору ролей, и для каждого такого набора отвечающая ему форма образуется всегда одинаковым образом³ – с помощью суффикса, не зависящего ни от типа основы, ни от наличия других суффиксов (множественного числа и лично-притяжательных). И, видимо, не случайно традиционная венгерская грамматика обходится без понятия падежа и имеет дело лишь с конкретными "прилепами" (*pérvagok*).

2. Исходные понятия. Система исходных понятий, используемая при построении формального определения падежа, должна давать возможность для каждого конкретного языка представлять в формализованном виде те сведения о его строении, которые необходимы для набрасывания на него "падежной сетки", если только на данный язык ее можно набросить. Желательно, конечно, чтобы эта система не содержала ничего лишнего.

Как во всякой формализованной теории, наши исходные понятия будут неопределяемыми. Это значит, что в рамках самой теории они не получают никаких определений. Но мы будем сопровождать их введение содержательными комментариями (остающимися, само собой, вне этих рамок).

Наша система исходных понятий состоит из следующих компонентов:

1) Конечное множество *V*, элементы которого будут называться **лексически значимыми сегментами**.

³ С точностью до фонетических вариантов, наличие которых обусловлено гармонией гласных.

Комментарий. Понятие лексически значимого сегмента является в определенном смысле промежуточным между понятием сегмента в смысле А.А. Зализняка и понятием словоформы. В книге [Зализняк 1967] сегмент определяется как "единица внешней стороны текста" (что применительно к письменной форме языка означает просто "цепочку букв от пробела до пробела с поставленным знаком ударения"), а под словоформой понимается "слово как двусторонняя единица текста". Таким образом, словоформу можно понимать как сегмент вместе с его лексическим значением и всеми грамматическими значениями. Что же касается лексически значимого сегмента, то это сегмент вместе с его лексическим значением, но без каких бы то ни было грамматических значений.

Далее мы для краткости будем называть лексически значимые сегменты просто **сегментами**.

2) Два подмножества множества V , которые мы будем обозначать S и P и интерпретировать соответственно как множество существительных и множество предлогов и/или послелогов. Элементы S мы будем называть **S -сегментами**.

3) Конечное множество Q цепочек (т.е. конечных последовательностей) сегментов, содержащее в качестве элементов некоторые (в частном случае – все) цепочки вида ps или sp , где $s \in S, p \in P$, а также все одноэлементные цепочки (т.е. попросту все сегменты). Элементы множества Q мы будем называть **обобщенными словами**.

Комментарий. Обобщенные слова, отличные от сегментов, интерпретируются как "составные слова", т.е. сочетания слов, в синтаксическом отношении эквивалентные отдельным словам. Сюда относятся, в частности, сочетания предлогов (или послелогов) с подходящими формами существительных. Кроме того, мы будем причислять к обобщенным словам аналитические формы глаголов.

4) Конечный набор $R_1, \dots, R_m$ бинарных отношений на множестве Q , называемых **потенциальными поверхностно-синтаксическими отношениями (ППСО)**.

Комментарий. Содержательный смысл ППСО состоит в следующем. Обозначим через $T_1, \dots, T_m$ поверхностно-синтаксические отношения (ПСО) [Мельчук 1974: гл. II, § 1]. (Вопрос о том, в какой мере набор этих отношений является универсальным, для наших целей не имеет значения.) Тогда наличие отношений R_i между обобщенными словами x и y означает, что существуют грамматически правильные (не обязательно осмысленные) предложения рассматриваемого языка, в которых x синтаксически подчиняет y , причем в поверхностно-синтаксических структурах этих предложений между узлами, отвечающими x и y , имеется отношение T_i . (Ради простоты мы игнорируем сейчас то обстоятельство, что узлами описанных в книге [Мельчук 1974] поверхностно-синтаксических структур являются не обобщенные слова, а просто слова. Строго говоря, здесь следовало бы пользоваться системами синтаксических групп [Гладкий 1985].)

Если между обобщенными словами x и y имеется отношение R_i , мы будем говорить, что **обобщенное слово x управляет обобщенным словом y по типу i** .

В дальнейшем мы будем обозначать через T_1 предикативное ПСО (связывающее сказуемое с подлежащим), через T_2, T_3, T_4 – соответственно 1-е, 2-е и 3-е комплементное (связывающее сказуемое с 1-м, 2-м или 3-м дополнением), через T_5 – атрибутивное, через T_6 – обстоятельственное и через T_7 – агентивное (*рассматривается комиссией* и т.п.). При таком соглашении очевидно, что, например (для русского

языка), сегмент *подарил* связан отношением R_1 с сегментом *отец*, отношением R_2 с сегментом *сыну* и отношением R_3 с сегментом *книгу*⁴.

5) Конечный набор $D_1, \dots, D_i$ бинарных отношений на множестве Q , называемых **потенциальными семантическими отношениями (ПСемО)**.

Комментарий. Содержательный смысл ПСемО состоит в следующем. Обозначим через $U_1, \dots, U_i$ некоторый набор семантических отношений между лексемами рассматриваемого языка (не обязательно полный или сколько-нибудь приближающийся к полному; достаточно, чтобы он содержал те отношения, которые в этом языке влияют на форму существительного). Тогда ПСемО относятся к $U_1, \dots, U_i$ так же, как ППСО к $T_1, \dots, T_m$ ⁵.

Этот компонент нужен только для определения семантических падежей (см. ниже, раздел 4). Если в рассматриваемом языке таких падежей нет, он отсутствует.

6) Некоторым ППСО могут быть сопоставлены **указания о согласовании**. Такое указание для отношения R_i представляет собой конечное множество C_i , элементы которого суть подмножества Q , состоящие не менее чем из двух элементов каждое и называемое **согласовательными срезами**.

Комментарий. Согласовательные срезы интерпретируются следующим образом. Пусть L – множество всех форм некоторой лексемы, и некоторые (быть может, все) элементы L управляют какими-то существительными по типу i , согласуясь с ними при этом по каким-то грамматическим категориям (эти категории мы будем называть **согласуемыми**). Тогда согласовательные срезы – это максимальные не одноэлементные подмножества множества L , такие, что для всех их элементов значения всех несогласуемых категорий совпадают (иначе говоря, максимальные не одноэлементные подмножества множества L , элементы которых различаются только значениями согласуемых категорий).

Поясним это на примере. Пусть L – подмножество всех форм некоторого русского глагола⁶. Тогда для ППСО R_1 (напомним, что оно отвечает предикативному отношению, так что управление глагола существительным по типу 1 означает, что это существительное может служить при нем подлежащим) согласуемыми категориями будут – при условии, что личные местоимения отнесены к существительным – лицо, число и род, несогласуемыми – залог, наклонение и время. Таким образом, согласовательные срезы, образующие множество C_1 , будут состоять из всех форм одного залога, одного наклонения и одного времени, например: {читаю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ют}, {читал, -а, -о, -и} и т.п.

Необходимо подчеркнуть, что для фактического выделения согласовательных срезов нужно знать только несогласуемые категории, а они заведомо не зависят от категории падежа существительного.

3. Определение синтаксического падежа. Синтаксическими падежами существительного мы называем те падежи, которые определяются исключительно его син-

⁴ Таким образом, мы относим связь между сказуемым и подлежащим к числу подчинительных и в соответствии с этим считаем именительный падеж управляемым (см. ниже). Такой же точки зрения придерживается И.А. Мельчук [Мельчук 1974; 1998]. В традиционных описаниях русского языка принята другая точка зрения, согласно которой связь между сказуемым и подлежащим не является подчинительной (см., например [Русская грамматика 1980]). Впрочем, представление об именительном падеже как управляемом – далеко не новое; как отмечает Л. Ельмслев [Hjelmslev 1935: 22], оно восходит к Средним векам.

⁵ Здесь может возникнуть вопрос: что означают семантические отношения между словами в грамматически правильном, но не осмысленном предложении? Но если понимать грамматическую правильность как "потенциальную осмысленность", такие отношения также нетрудно осмыслить.

⁶ К которым мы не относим формы причастия, считая его, таким образом, отдельной лексемой.

таксической ролью. Рольевые классы, участвующие в образовании таких падежей, также определяются исключительно синтаксическими ролями.

Для всего дальнейшего очень важно, что все роли, от которых зависят падежи существительного, рассматриваемые в настоящей работе – пассивные⁷. (Это относится как к синтаксическим падежам, так и к семантическим, рассматриваемым ниже.) Таким образом, рольевые классы, с которыми нам придется сейчас иметь дело – это классы существительных, допускающих один и тот же "тип управления".

Перейдем теперь к точным определениям. Ради простоты мы допустим, что множество Q не содержит цепочек вида sp , где $s \in S, p \in P$, и в соответствии с этим будем называть элементы P **предлогами**. (Распространение определений на общий случай не представит никаких трудностей.)

1) Будем называть i -ой областью беспредложного управления обобщенного слова x и обозначать N_x^i множество всех S -сегментов, которыми x управляет по типу i .

2) Будем называть i -ой областью управления обобщенного слова x через предлог p и обозначать $N_x^{i,p}$ множество всех S -сегментов s , таких, что x управляет обобщенным словом ps по типу i .

Ради упрощения дальнейших определений вместо N_x^i мы часто будем писать $N_x^{i,\Lambda}$. (Λ – обычное обозначение "пустой цепочки символов".)

Пример. Для современного русского языка 1-я область беспредложного управления обобщенного слова (в данном случае – сегмента) *подарил* состоит из таких сегментов, как *брат, друг, кот, дом...*⁸ (но не таких, как *братья, дома, сестра, окно...*); 2-я область беспредложного управления – из таких, как *брата, братьев, дом, дома, сестру, сестер, книгу, книги, окно, окна...*; 3-я – из таких, как *брата, братьям, дому, домам, сестре, сестрам, окну, окнам...*; 2-я область управления сегмента *разговариваю* через предлог *с* состоит из таких сегментов, как *братом, братьями, домом, домами, сестрой, сестрами, окном, окнами...*; 3-я область управления того же сегмента через предлог *про* – из таких сегментов, как *брата, братьев, дом, дома, сестру, сестер, окно, окна...*; 5-я область беспредложного управления сегмента *фотография* состоит из таких сегментов, как *брата, братьев, дома, домов, сестры, сестер, окна, окон...*; 6-я область управления сегмента *прыгал* через предлог *на* состоит из таких сегментов, как *стол, столы, столе, столах, табуретку, табуретки, табуретке, табуретках, сиденье, сиденья, сиденьях...*; 7-я область беспредложного управления сегмента *рассматривается* – из таких сегментов, как *комитетом, комитетами, комиссией, комиссиями, правлением, правлениями...*

3) Мы будем называть область управления **минимальной**, если он не содержит никакой области управления, отличной от нее самой.

В нашем примере все области управления минимальны, кроме предпоследней, содержащей, в частности, 2-ю область беспредложного управления сегмента *видит* (состоящую из таких сегментов, как *стол, столы, табуретку, табуретки, сиденье, сиденья, ...*).

4) **Связкой областей управления** мы будем называть всякое множество, являющееся для некоторых заданных i и p объединением всевозможных множеств вида $N_x^{i,p}$ по всем x , входящим в некоторый заданный согласовательный срез, принадлежащий множеству S_r . Иначе говоря, связка областей управления есть множество всех тех

⁷ Иначе говоря, рассматриваемая нами категория падежа – это категория управляемого падежа в смысле И.А. Мельчука (см. [Мельчук 1998: 325]).

⁸ Вспомним, что при интерпретации ППСО мы исходим из понятия грамматически правильного предложения, не обязанного быть осмысленным.

S-сегментов, которые управляются через некоторый заданный предлог (возможно, "пустой") по некоторому заданному типу всевозможными сегментами, входящими в некоторый заданный сопоставленный этому типу согласовательный срез.

Пример. Рассмотрим согласовательный срез, состоящий из всех форм настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола *читать*: {*читаю*, *-еишь*, *-ет*, *-ем*, *-ете*, *-ют*} (см. пример в конце раздела 2). Этот срез принадлежит множеству C_1 . (Напомним, что множество C_1 сопоставлено потенциальному поверхностно-синтаксическому отношению R_1 , которое отвечает предикативному ПСО.) Положим $i = 1, p = \Lambda$. Для каждого сегмента x , принадлежащего выбранному нами срезу, множество $N_x^{1,\Lambda} = N_x^1$ состоит из всех *S*-сегментов, управляемых сегментом x по типу 1. Например, $N_{читаю}^1$ состоит из одного сегмента *я*, $N_{читает}^1$ — из таких сегментов, как *брат*, *сестра*, *дитя*, *дом*, *комната*, *село*, $N_{читают}^1$ — из таких сегментов, как *братья*, *сёстры*, *дети*, *дома*, *комнаты*, *сёла*. Легко себе представить и остальные три множества N_x^1 . Объединение всех этих шести множеств будет состоять, очевидно, из всевозможных *S*-сегментов, отвечающих формам именительного падежа.

5) **Синтаксическим падежом** мы будем называть всякое множество, являющееся либо минимальной областью управления, либо связкой областей управления.

Пример. Шесть основных русских падежей (точнее, множества сегментов, являющихся формами этих падежей) представляют собой синтаксические падежи в смысле только что сформулированного определения.

Именительный падеж, как мы только что видели, можно охарактеризовать как связку областей управления, отвечающую согласовательному срезу, состоящему из всех форм настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола *читать*; при этом ясно, что настоящее время можно заменить здесь прошедшим или будущим, а глагол *читать* — любым другим не безличным глаголом.

Родительный падеж можно определить как 5-ю область беспредложного управления произвольного *S*-сегмента (или как 1-ю область беспредложного управления сегмента *нет*); минимальность этой области управления не вызывает сомнений.

Дательный падеж — это 3-я область беспредложного управления сегмента *даю*, или 2-я область беспредложного управления сегмента *радуюсь*, или 2-я область управления сегмента *иду* через предлог *к* или *по* (причем каждый из приведенных сегментов можно заменить любой другой личной формой того же глагола); нетрудно указать много других аналогичных способов определить этот падеж.

Винительный падеж — это 2-я область беспредложного управления сегмента *вижу*, или сегмента *рисую*, или любой другой личной формы переходного глагола.

Творительный падеж — это 2-я область беспредложного управления сегмента *занимаюсь* или сегмента *доволен*, или 3-я область беспредложного управления сегмента *рисую*, или 6-я область управления сегмента *стою* через предлог *над*, или 7-я область беспредложного управления сегмента *рассматривается*; легко указать и здесь другие способы определения.

Предложный падеж можно определить, например, как 3-ю область управления сегмента *думаю* через предлог *о* или 6-ю область управления сегмента *произошло* через предлог *при*.

Так называемый 2-й предложный (местный) падеж также является синтаксическим падежом в указанном смысле: он может быть определен, например, как 6-я область управления сегмента *нахожусь* через предлог *в* или *на*. В то же время 2-й родительный (партитивный) падеж под это определение не подходит, поскольку он не является ни

минимальной областью управления, ни связкой областей управления. Здесь, несомненно, проявляется существенное типологическое различие между основными падежами и 2-м предложным с одной стороны и 2-м родительным с другой. (Ср. описание этих падежей в [Зализняк 1967; 1973].)

4. Определение семантического падежа. Семантическими падежами существительного мы называем те падежи, которые определяются не только его синтаксической ролью, но и семантической. Ролевые классы, участвующие в образовании таких падежей, также определяются как синтаксическими, так и семантическими ролями⁹.

Точные определения выглядят следующим образом:

1) Пусть D – одно из ПСемО $D_1, \dots, D_i$ (см. раздел 2), R_i – некоторое ППСО, x – некоторое обобщенное слово и p – некоторый предлог, причем ради сокращения формулировок мы будем причислять к предлогам также "пустую цепочку символов" Λ . Будем называть **областью семантической зависимости** обобщенного слова x **через предлог p по отношению D и синтаксическому типу i** и обозначать $K_x^{D,i,p}$ множество всех S -сегментов s , таких, что между обобщенными словами x и ps имеются отношения D и R_i . Множество $K_x^{D,i,\Lambda}$ мы будем обозначать также $K_x^{D,i}$ и называть **областью беспредложной семантической зависимости по отношению D и синтаксическому типу i** обобщенного слова x .

2) Мы будем называть область семантической зависимости **минимальной**, если она не содержит никакой области семантической зависимости, отличной от нее самой.

3) **Семантическим падежом** мы будем называть всякую минимальную область семантической зависимости, обладающую тем свойством, что она не может быть областью семантической зависимости по двум или более разным отношениям (даже для разных обобщенных слов, разных предлогов и разных синтаксических типов).

Таким образом, семантический падеж отличается от синтаксического не только тем, что наряду с синтаксической ролью в его определении участвует семантическая. Другое, не менее фундаментальное различие состоит в том, что синтаксический падеж может определяться одновременно несколькими синтаксическими отношениями, а семантический всегда определяется только одним семантическим отношением. Представляется, что именно благодаря единственности семантического отношения падеж получает "семантическую окраску". (Кроме того, здесь нет никакого аналога понятия связки областей управления. Такой аналог, вероятно, можно было бы ввести, но автор не располагает примерами случаев, когда это было бы нужно.)

Примерами семантических падежей могут служить русские 2-й предложный и 2-й родительный падежи. В самом деле: пусть L – ПСемО, отвечающее семантическому отношению "Быть местом, где", т.е. отношению между личной формой глагола и обстоятельством, обозначающим "местонахождение" в широком смысле слова, без различения таких оттенков, как "внутри", "на поверхности" и т.п. (но не обозначающим направления движения). Тогда 2-й предложный падеж можно определить как область семантической зависимости личной формы глагола по отношению L и 6-му синтаксическому типу через предлог *в* или *на*. Аналогичным образом, если $Part$ – ПСемО, отвечающее семантическому отношению "Распространяться на часть или некоторое количество", то 2-й родительный падеж можно определить как область беспредложной семантической зависимости сегмента *дал* по отношению $Part$ и 2-му синтаксическому типу. Минимальность и выполнение условия единственности семантического отношения в обоих случаях представляются очевидными.

⁹ Таким образом, мы употребляем термины "синтаксический падеж" и "семантический падеж" в том же смысле, в каком их использует И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 327]. В статье Е. Куриловича [Kurýłowicz 1949], где эти термины появились, видимо, впервые (см. сноску на с. 186 русского перевода), они употребляются в ином смысле.

Может случиться, что некоторый семантический падеж является одновременно и синтаксическим падежом. В таком случае мы будем называть его **семантико-синтаксическим**. Семантический падеж, не являющийся синтаксическим, мы будем называть **чисто семантическим**, синтаксический падеж, не являющийся семантическим – **чисто синтаксическим**¹⁰.

Все основные русские падежи являются, по-видимому, чисто синтаксическими. 2-й предложный падеж, как следует из сказанного выше, – семантико-синтаксический, 2-й родительный – чисто семантический.

Еще одним примером семантико-синтаксического падежа может служить, по-видимому, латышский местный падеж, который может быть определен либо как 6-я область беспредложного управления личной формы глагола, либо как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по только что введенному отношению *L* (и тому же 6-му синтаксическому типу). (Минимальность и выполнение условия единственности семантического отношения представляются очевидными и здесь.)

Напрашивается гипотеза, что если в каком-либо языке имеется несколько пространственных падежей, то эти падежи – чисто семантические. Однако эта гипотеза нуждается в проверке для каждого конкретного языка, поскольку в ходе эволюции семантические падежи могут, по-видимому, "синтаксизироваться" (в частности, в связи с развитием абстрактной лексики).

В качестве примера рассмотрим венгерский язык. Как уже говорилось в разделе 1, в традиционной венгерской грамматике понятие падежа отсутствует. Но во многих нетрадиционных описаниях (в основном принадлежащих перу иностранных лингвистов) говорится о богатой системе венгерских падежей, каждый из которых оформляется единственной прилепой. Все эти падежи выделяются и с помощью наших определений. По крайней мере четыре из них должны быть, по-видимому, признаны чисто синтаксическими: именительный, оформляемый "нулевой прилепой", винительный, оформляемый прилепой *-t*¹¹, дательный, оформляемый прилепой *-nak/-nek*, а также падеж, оформляемый прилепой *-vall/-vel* (на русский язык он чаще всего переводится творительным падежом без предлога или с предлогом *с*): для него вряд ли можно указать единственное семантическое отношение, которому он соответствовал бы, и в то же время он, видимо, может быть определен, например, как 2-я область беспредложного управления сегмента *büskélkedik* "гордится" или 3-я область беспредложного управления сегмента *fertőz* "заражает" (См. схемы управления соответствующих глаголов, приведенные в словаре [Apreszjan, Páll 1982].) Кроме того, для личных форм многих глаголов он совпадает, по-видимому, с их 2-ми или 3-ми областями управления через послелог *szemben, együtt*. С другой стороны, по крайней мере один падеж – темпоралис, оформляемый прилепой *-kor* – является чисто семантическим. Что же касается пространственных падежей, то их, скорее всего, следует считать семантико-синтаксическими. Например, падеж, оформляемый прилепой *-ban/-ben* и выражающий, как обычно говорят, отношение "нахождения внутри" ("инессив"), может быть определен, видимо, не только как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по соответствующему ПСемО (и 6-му синтаксическому типу), но и как 2-я область беспредложного управления сегмента *kétkeldek* (сомневается), или 3-я область беспредложного управления сегмента *megegyőzt* "утверждает в чем-л.", а падеж, оформляемый прилепой *-ra/-re* и выражающий отношение "движения

¹⁰ И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 325] замечает, что "чисто семантический падеж, в отличие от чисто синтаксического, невозможен". Но здесь выражение "чисто семантический падеж" имеет другой смысл: оно означает "падеж, не выражающий никакой синтаксической роли".

¹¹ Заметим, что не только именительный, но и винительный падеж должен определяться здесь с использованием связки областей управления (ввиду наличия категории определенности/неопределенности, по которой переходный глагол согласуется с прямым дополнением).

на поверхность" – не только как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по соответствующему СемПО (и 6-му синтаксическому типу), но и как 2-я область беспредложного управления сегмента *hivatkozik* "ссылается" или 3-я область беспредложного управления сегмента *emlékeztet* "напоминает".

Все эти соображения носят, разумеется, предварительный характер, как, впрочем, и приведенные выше утверждения, относящиеся к русскому и латышскому языкам. Для каждого конкретного языка вопрос о синтаксическом или семантическом характере падежей, выделяемых в нем с помощью наших определений (а также, конечно, о том, в какой мере эти падежи соответствуют традиционным), нуждается в специальном исследовании.

Заключение. Подведем теперь некоторые итоги. Мы построили формальную модель, которая позволяет, исходя из некоторой строго ограниченной совокупности сведений о лексемах, включающей в себя, в частности, задание класса существительных, выделить в этом классе подклассы, отвечающие падежам. При этом мы не касались вопроса о том, каким образом можно для заданного вхождения существительного (точнее, сегмента-существительного) в предложение определить, какой из возможных для него падежей следует ему приписать. Решение этой задачи может оказаться не таким уж простым (особенно для тех случаев, когда данное вхождение существительного не является управляемым), и она должна быть предметом отдельного исследования.

Представляется весьма правдоподобным, что понятие падежа, описываемое нашей моделью, совпадает с традиционным не только по объему, но и по содержанию. Иными словами, есть основания рассматривать эту модель как экспликацию той лингвистической интуиции, которая лежит в основе традиционного понятия падежа. Это лишний раз подтверждает ту истину – если она еще нуждается в подтверждении, – что возникшее в XX столетии стремление к строгому логическому анализу и уточнению лингвистических понятий вовсе не означает разрыва со старыми традициями, и противопоставление "традиционной" и "структурной" лингвистики как наук с разными методами не имеет под собой реальной почвы. Древнее учение о грамматических категориях опирается на стройную систему абстрактных понятий, полностью сохраняющую свое значение и в наше время; но сейчас становится возможным и необходимым переход на более высокий уровень абстракции, отвечающий современным требованиям к логическому строению научных концепций. Напрашивается сравнение с геометрией; она тоже опирается на систему абстрактных понятий, разработанную еще в древности, но эта система была в прошлом столетии уточнена в соответствии с возросшими требованиями к логической строгости, благодаря чему геометрия добилась значительного продвижения, в том числе в таких направлениях, которые до перехода на более высокий уровень абстракции невозможно было бы даже наметить.

Грамматика, как и геометрия, создана греческим гением, и в обоих случаях ярко проявилась свойственная ему склонность к абстракции и систематизации. Но в отношении учения о падеже можно отметить еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее, по всей вероятности, созданию этого учения: простое строение и ясную очерченность в древнегреческом языке "ролевых классов" существительных. Если отвлечься от двойственного числа, в историческую эпоху употреблявшегося редко, и от звательного падежа, о котором мы скажем чуть позже, мы увидим в этом языке всего один, и притом очень простой, тип вполне регулярной "падежной омонимии" – совпадение форм именительного и винительного падежей обоих чисел имен среднего рода, – и еще один тип, не так сильно бросающийся в глаза: совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа некоторых имен мужского и женского рода (таких, как $\pi\rho\epsilon\sigma\beta\upsilon\varsigma$, $\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$, $\delta\upsilon\alpha\mu\iota\varsigma$). Второй тип "менее заметен" не только из-за сравнительной немногочисленности склоняющихся по нему имен, но и потому, что формы артикля остаются здесь различными, так что это "не совсем настоящая" падежная омонимия. Вне этих двух типов имеются лишь единичные слу-

чаи совпадения форм разных падежей (например, именительного и винительного падежей единственного числа существительного πεῖθω, не имеющего множественного числа).

В двойственном числе формы именительного и винительного падежей регулярно совпадают у всех имен, и столь же регулярно совпадают формы родительного и дательного.

Получается, таким образом, простая и стройная картина – значительно более простая, чем для латинского или русского языка.

Что же касается вокатива, то он, как считается, был включен в систему падежей в I в. до н.э. Дионисием Фракийцем, в то время как остальные греческие падежи были введены в рассмотрение значительно раньше¹².

Наша модель не выделяет вокатив ни в качестве синтаксического, ни в качестве семантического падежа, и это, как нам представляется, свидетельствует о правоте тех авторов, которые рассматривают его как чужеродный элемент в падежной системе¹³.

Было бы очень интересно провести экспериментальные исследования с привлечением достаточно обширного и представительного текстового материала, чтобы точно выяснить, что дает наша модель в применении к различным языкам. Если такое исследование хотя бы для таких языков, как древнегреческий, латинский и русский, приведет к системам падежей, в основном совпадающим с традиционными, это будет серьезным доводом в пользу утверждения, что данную модель действительно можно считать экспликацией той самой интуиции, на которой основана традиционная концепция падежа; с другой стороны, такая экспликация позволит лучше понять строение этой концепции и, в частности, внести некоторую ясность в вопрос, служащий предметом давних споров: является ли категория падежа по своей природе синтаксической или семантической? Если же для некоторых языков получатся системы, отличные от традиционных, то это, быть может, приведет к выявлению типологических различий между категориями, по традиции называемыми для разных языков одним именем*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные теории 1936 – Античные теории языка и стиля / Под общей редакцией О.М. Фрейденберг. М.:Л., 1936. (2-е изд: СПб., 1996).
- Гладкий А.В. 1969 – К определению падежа и рода существительного. // ВЯ. 1969. № 2.
- Гладкий А.В. 1973 – Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А.А. Зализняка. М., 1973.

¹² В 1931 г. Э. Зиттиг [Sittig 1931] высказал мнение, что понятие о падежах существовало уже в VI в. до н.э., причем упорядочивались они так же, как сейчас. Основанием для этого послужило ему стихотворение Анакреонта (фр. 3), подлинность которого, как он замечает, никогда не оспаривалась:

Κλεῦβούλου μὲν ἔγωγ' ἔρέω,
Κλεῦβούλῳ δ' ἐπιμαίνομαι,
Κλεῦβούλου δὲ διοσκέω.

(Возможно, что здесь утрачена первая строка, на что указывает и μὲν в начале.)

В качестве еще одного доказательства справедливости утверждения Зиттига можно привести следующие строки Архилоха (фр. 70), где налицо все четыре падежа:

νῦν δὲ Λεώφιλος μὲν ἄρχει, Λεωφίλου δ' ἐπικρατεῖν,
Λεωφίλῳ δὲ πάντα κεῖται, Λεωφίλον δ' ἀκούε(τε).

¹³ Такой точки зрения придерживался Л. Ельмслев, исключивший вокатив из "падежной категории" (la catégorie casuelle) на том основании, что он, в отличие от настоящих падежей, не выражает отношения между двумя предметами (см. [Hjelmslev 1935: 97]). Ср. также следующее замечание Э. Зиттига [Sittig 1931: 3]): "Wie wir wissen, hatten schon die Stoiker die sprachwissenschaftlich richtige Erkenntnis, dass der Vokativus als проσαγορευτικόν πράγμα kein Kasus in Satzgefüge sei, sondern ein kleiner eingeschobener Satz für sich, der ohne weiteres syntaktisch losgelöst werden kann."

* Автор благодарен Ю.Д. Апресяну, внимательно прочитавшему рукопись и сделавшему ряд важных замечаний.

- Гладкий А.В. 1985 – Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Зализняк А.А. 1967 – Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. 1973 – О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. I. // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А.А. Зализняка. М., 1973.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "смысл $\Leftrightarrow$ текст". М., 1974.
- Мельчук И.А. 1998. – Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.
- Пешковский А.М. 1919 – Вопрос о "вопросах" // Родной язык в школе. 1919–1922. Кн. 1; 1923. Кн. 3. (Перепечатка: Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959).
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Apreszjan J.D., Páll E. 1982 – Orosz ige – magyar ige. Vonzatok és kapcsolódások. 1, 2. Budapest, 1982.
- Hjelmslev L. 1935 – La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. Première partie. Aarhus, 1935.
- Kuryłowicz J. 1949 – Le problème du classement de cas // Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. T. 9. 1949 (Русский перевод: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.)
- Serbat G. 1980 – Cas et fonction. Étude des principales doctrines casuelles du Moyen Age à nos jours. Paris, 1980.
- Sittig E. 1931 – Das Alter der Anordnung unserer Kasus und der Ursprung ihrer Bezeichnung als "Fälle" // Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft. Hf. XIII. Stuttgart, 1931.